

Научная статья

УДК 271.2 + 316.7 + 327.3 + 94:159.953(470) + 355.4(09)

doi 10.15826/tetm.2022.3.038

Военные коммеморации Русской православной церкви как механизм конструирования гражданской религии в современной России

Роман Юрьевич Батищев

Саратовский государственный университет, Саратов, Россия

romanbatishhev@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7820-8835>

Аннотация. В статье рассматриваются военные коммеморации и мемориальные практики Русской православной церкви в контексте формирования гражданской религии в современной России. Подчеркивается, что отношения армии и церкви в наибольшей степени институционализированы, в том числе по вопросам политики памяти. Рассматриваются факторы, обуславливающие центральное место образов войны в исторических репрезентациях, в том числе религиозных акторов. Выделяется основная специфика представления войн прошлого в рамках религиозного дискурса.

Ключевые слова: гражданская религия, Русская православная церковь, военные коммеморации, политика памяти, военная история

Для цитирования: Батищев Р. Ю. Военные коммеморации Русской православной церкви как механизм конструирования гражданской религии в современной России // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 2. С. 56–60. doi 10.15826/tetm.2022.3.038

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00535 «Гражданская религия в современной России: мемориальные практики и особенности теологического дискурса», <https://rscf.ru/project/22-28-00535/>.

Original article

War Commemorations of Russian Orthodox Church as the Mechanism to Construct Civil Religion in Modern Russia

Roman Yu. Batishchev

Saratov State University, Saratov, Russia

romanbatishhev@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7820-8835>

Abstract. The article considers war commemorations and memorial practices of the Russian Orthodox Church in the context of the formation of civil religion in contemporary Russia. It is emphasized that the relations between the army and the church are the most institutionalized, including those concerning the politics of memory.

© Батищев Р. Ю., 2022

The factors which determine the centrality of images of war in historical representations, including religious actors, are considered. The main specificity of the representation of the wars of the past within the framework of religious discourse is highlighted.

Keywords: civil religion, Russian Orthodox Church, war commemorations, politics of memory, military history

For citation: Batishchev, R. Yu. (2022). Voennye kommemoratsii Russkoi pravoslavnoi tserkvi kak mekhanizm konstruirovaniya grazhdanskoi religii v sovremennoi Rossii [War Commemorations of Russian Orthodox Church as the Mechanism to Construct Civil Religion in Modern Russia]. *Tempus et Memoria*, 3, 2, 56–60. doi 10.15826/tetm.2022.3.038

Acknowledgments: the study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 22-28-00535 «Civil religion in modern Russia: mnemonic practices and features of theological discourse», <https://rscf.ru/project/22-28-00535/>.

Рассматривая вопрос о конструировании гражданской религии в современной России, необходимо обратить внимание на мемориальную повестку собственно религиозных акторов, поскольку, с одной стороны, гражданская религия остается особой формой религиозности, с другой — для решения актуальных задач консолидации общества обращается к прошлому, к тем или иным историческим сюжетам, способным выполнять консолидирующую функцию, поддерживать гражданскую идентичность. В этой связи мемориальные практики религиозных акторов способны выступать источниками для формирования и гражданской религии.

Взаимопроникновение государственного и религиозного (православного) мемориальных дискурсов часто носит не только разовый характер, как, к примеру, заимствование религиозного праздника Дня Казанской иконы Богородицы и превращение его в государственный праздник День народного единства 4 ноября. Такие взаимодействия могут иметь и институциональную основу. Примером институциональных взаимодействий государственных и религиозных организаций, в том числе по вопросам политики памяти, является совместная деятельность Вооруженных сил РФ и Русской православной церкви. Министерство обороны РФ первым среди российских органов власти в 1990-е гг. пошло на формальное оформление своих взаимоотношений с церковью: в 1994 г. Министерство обороны приняло совместное заявление о принципах сотрудничества с РПЦ. Затем в аппарате министерства появились офицеры, ответственные за взаимодействие с религиозными организациями, а с 2009 г. восстановлен институт военного

духовенства. Исследователь С. П. Донцев отмечает, что «армия в ходе таких взаимодействий может решать задачи морально-этического обоснования необходимости службы в вооруженных силах, а трансляция ценностей с отсылкой к историческим примерам их применения может также формировать у призывников чувство патриотизма» [Донцев, 97]. Институциональная основа соглашений армии и церкви также проистекает из законодательно закрепленных за Министерством обороны функций, таких как «повышение в обществе авторитета и престижа военной службы, сохранение и приумножение патриотических традиций, организация в этих целях военно-исторической, культурной работы <...> т. е. действий, связанных во многом с проблематикой политики памяти» [Там же, 97–98].

Кроме того, общий тренд на возвращение исторического опыта взаимодействий этих двух институтов проистекает также из существовавшей до революции традиции военных коммемораций в Русской православной церкви, таких, как, к примеру, установка часовен на местах сражений русской армии. Как пишет историк Ю. А. Жердева, захоронения русских солдат «чаще всего имели религиозную маркировку, представлявшую собой крест над братской могилой павших воинов, часовню или храм-усыпальницу. В местах массовых захоронений или особо значимых побед возводились храмы-памятники» [Жердева, 93] (например, на территории Германии — в память о событиях Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг., на территории Болгарии и Турции — в память о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.). Открытие в 2020 г. Главного храма Вооруженных сил Российской

Федерации, наполненного символикой Победы в Великой Отечественной войне [Аникин], стало продолжением традиции возведения храмов в честь крупных побед русского воинства (Храм Покрова на Рву в честь взятия Казани в 1552 г., Храм Христа Спасителя в честь победы в Отечественной войне 1812 г.).

Центральная роль образов военного прошлого в транслируемых государством консолидирующих нарративах, формирующих гражданскую религию, также обусловлена рядом причин.

Во-первых, военные события всегда оставляют сильнейший эмоциональный отпечаток в историческом сознании, это, безусловно, одно из самых ярких событий в памяти целых поколений. Тот или иной выход эмоциональному заряду памятных событий может быть найден как раз в форме определенной политики памяти и выработанных внутри нее коммеморативных практик (например, сложившейся модели ветеранства участников войны [Николаи, Кобылин] или целой гражданской религии, где фундаментом выступает память о той или иной войне [Тесля]). Эмоциональная насыщенность памяти о войнах позволяет как конструировать культурную травму [Cultural Trauma] и народную скорбь [Winter], так и мобилизовывать, идеологизировать и политизировать широкие массы [Mouffe].

Во-вторых, военные события прошлого всегда сопряжены с трагедиями, преступлениями и человеческими жертвами, что, в свою очередь, перед некоторыми политическими акторами ставит ребром вопросы об ответственности за принесенные жертвы и о легитимации проводимой политики, самого политического статуса ответственных акторов.

В-третьих, определенные исторические репрезентации о войнах прошлого часто имеют претензии на обоснование изменений существующего политического порядка. Кроме того, часто само формирование тех или иных политических акторов, например новых политико-территориальных образований, идет параллельно с транслированием определенной политики памяти. Причем такая ситуация характерна и для формирования европейских политических наций эпохи Модерна [Moss], и для современных политических процессов [Воронович].

Значимость образов военного прошлого для политики памяти определяет и обостренную борьбу за ограниченный символический капитал, образуемый памятью об этих событиях, тем самым в эту борьбу оказывается вовлечено большое количество акторов политики памяти. Присутствие религиозных акторов в этой борьбе характеризуется следующими аспектами.

Во-первых, Русская православная церковь в этой конкуренции располагает своими специфически религиозными механизмами коммеморации, такими, как, например, институт канонизации [Батищев, Беляев, Линченко]. Причем эти канонизации, как инструмент военной коммеморации, могут отсылать не только к далекому и в целом «компромиссному» для российского общества прошлому (Александр Невский, Дмитрий Донской, Александр Пересвет, Ф. Ф. Ушаков), но и касаться событий, которые общество помнит в формате живой, коммуникативной памяти. Примерами последнего можно назвать сложившийся православный культ вокруг казненного чеченскими боевиками российского солдата Евгения Родионова [Там же, 10], дискуссии о канонизации моряков подводной лодки «Курск» и ежегодное активное участие мурманской епархии в памятных мероприятиях [Разумова].

Во-вторых, религиозные сообщества в ряде случаев способны дать более ясную и внятную интерпретацию того или иного военного события прошлого, в отличие от государства. Религиозный дискурс способен генерировать «спектр вариантов объяснения ее (войны. — Р. Б.) причин и значения» в рамках того или иного религиозного сообщества [Аникин, 7], а также определенные коммеморативные практики. Этот фактор способствует активному присутствию религиозных сюжетов в военных коммеморациях современных войн, относительно которых государство не имеет четкой оценочной позиции [Рождественская, Семенова].

К слову, формат военных коммемораций, когда сложный идеологический контекст современных войн деполитизируется, причины и последствия этих войн также остаются в стороне, а акцент делается на мужестве и доблести военных (причем на преемственности этих качеств от воинов прошлого),

очень востребован и для государства вообще, и для конструирования гражданской религии в частности. В рамках гражданской религии неперенная доблесть военнотружущих как цвта нации, как выразителей лучших качеств гражданина и патриота является одним из краеугольных камней.

В-третьих, реализация той или иной политики памяти подчас оказывается более эффективной в том случае, когда актер открыто не заявляет о проведении какой-либо «политики» или «стратегии». Здесь справедливо наблюдение Р. Мертона о том, что «политическая машина», действующая неформально и выполняющая латентные функции социальных акторов, действует более успешно, чем выполняющая те же политические задачи официальная государственная бюрократия, занимающаяся явными функциями. Действие такой «политической машины» можно наблюдать на примере исторического парка «Россия — моя история», за организацией ее (опять же открыто не позиционируя это) стоят, как их характеризует М. Ларюэль, наиболее радикальные группы церкви, которые «идут по пути завоевания рынка исторической политики» [Ларюэль, 26]. При этом проект получил поддержку Администрации Президента, Ростуризма, Министерства образования и науки. Тем самым «политическая машина» РПЦ, организованная сетевым образом с государственными структурами, успешно реализует стратегию политики

памяти. Д. А. Аникин в этой связи отмечает, что религиозный актер «может преследовать собственные цели, которые можно даже назвать политическими, но будет позиционировать их в качестве целей (неполитических. — Р. Б.) той институции, с которой себя данное сообщество отождествляет» [Аникин, 5], избегая сложностей, связанных с официальным декларированием политических целей.

Таким образом, в современной России Русская православная церковь является влиятельным актором политики памяти. По вопросам военных коммемораций интересы государства и церкви в целом совпадают, более того, именно армия является одной из наиболее институционально связанных с церковью частей государственного аппарата. Государство может перехватывать мемориальную повестку церкви, в то время как церковь активно участвует в борьбе за символический капитал, сложившийся вокруг значимых для России событий военного прошлого, продвигает свой нарратив специфически религиозными средствами (институт канонизации, религиозный дискурс с метафизической трактовкой войн и героизма, реализация своих латентных функций). Нацеленность церкви на консолидацию и компромисс, обращенность к прошлому, традициям и патриотизму делает военные коммеморации Русской православной церкви потенциальным источником для формирования гражданской религии.

Список источников

- Аникин Д. А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // *Studia Humanitatis*. 2020. № 1.
- Батищев Р. Ю., Беляев Е. В., Линченко А. А. Русская православная церковь как актер современной политики памяти: дискурс канонизации // *Studia Humanitatis*. 2018. № 1.
- Воронович А. А. Интернационалистский сепаратизм и историческая политика в непризнанных республиках Приднестровья и Донбасса // *Методологические вопросы изучения политики памяти* : сб. науч. тр. М. : О-во с ограничен. ответственностью «Нестор-История», 2018. С. 127–143.
- Донцев С. П. Политика памяти в контексте институциональных взаимодействий Русской православной церкви и государства в современной России // *Политическая наука*. 2018. № 3. С. 110–128. doi: 10.31249/poln/2018.03.05
- Жердева Ю. А. Российские военные коммеморации в поздней Османской империи (1878–1918): политическая практика и культурный миф // *Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем* : сб. ст. и тез. докл. Международ. науч. конф. Тамбов, 2015. С. 92–98.
- Ларюэль М. Столетие 1917 в России: Двойственная историческая политика государства и захват исторического рынка церковью // *Историческая экспертиза*. 2019. № 1. С. 13–38.
- Николаи Ф. В., Кобылин И. И. Американские trauma studies и пределы их транзитивности в России // *Логос: философ.-лит. журн.* 2017. № 5(120). С. 115–136.
- Разумова И. А. Деятельность Русской православной церкви по увековечиванию памяти погибших моряков «Курска» // *Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та*. 2016. № 5(158). С. 7–12.

Рождественская Е., Семенова В. Социальная память как объект социологического изучения // INTER. 2011. № 6. С. 32–33.

Тесля А. А. Как менялась память о Второй мировой войне // Эксперт. 2020. № 18–20. С. 97–101.

Cultural Trauma and Collective Identity / Jeffrey C. Alexander, Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil J. Smelser, and Piotr Sztompka. Berkeley, CA, and London, UK : University of California Press, 2004. doi: 10.13140/RG.2.2.14178.84166

Moss G. L. Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford, New York: Oxford University Press, 1990.

Mouffe C. Agonistics: Thinking the World Politically. London : Verso, 2013.

Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge: Cambridge UP, 1999. doi: 10.1017/CBO9781107589087

References

Anikin, D. A. (2020). Pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine kak simbolicheskii resurs: osobennosti funktsionirovaniya v religioznom soobshchestve [The memory about the Great Patriotic War as a symbolic resource: the specify of the functioning in religious community]. *Studia Humanitatis*, 1.

Batishchev, R. Yu., Belyaev, E. V., Linchenko, A. A. (2018). Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' kak aktor sovremennoi politiki pamyati: diskurs kanonizatsii [Russian Orthodox Church as the actor of modern politics of memory: the discourse of canonisation]. *Studia Humanitatis*, 1.

Cultural Trauma and Collective Identity (2004) / Jeffrey C. Alexander, Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil J. Smelser, and Piotr Sztompka. Berkeley, CA, and London, UK: University of California Press. doi: 10.13140/RG.2.2.14178.84166

Dontsev, S. P. (2018). Politika pamyati v kontekste institucional'nykh vzaimodeistvii Russkoi pravoslavnoi tserkvi i gosudarstva v sovremennoi Rossii [Politics of memory in the context of institutional interactions of the Church and the state in modern Russian]. *Politicheskaya nauka*. Moscow, 3, 110–128. doi: 10.31249/poln/2018.03.05

Laruelle, M. (2019). Stoletie 1917 v Rossii: Dvoistvennaya istoricheskaya politika gosudarstva i zakhvat istoricheskogo rynka tserkov'yu [The centenary of 1917 in Russia: dual historical politics of state and the capture of historical market by the church]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 1, 13–38.

Moss, G. L. (1990). *Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford, New York: Oxford University Press.

Mouffe, C. (2013). *Agonistics: Thinking the World Politically*. London: Verso.

Nikolai, F. V., Kobylin, I. I. (2017). Amerikanskii trauma studies i predely ikh tranzitivnosti v Rossii [American trauma studies and the limits of their transitivity in Russia]. *Filosofsko-literaturnyi zhurnal "Logos"*, 5(120), 115–136.

Razumova, I. A. (2016). Deyatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi po uvekovechivaniyu pamyati pogibshikh moryakov "Kurska" [Activities of the Russian Orthodox Church to perpetuate the memory of the "Kursk" sailors]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5(158), 7–12.

Rozhdestvenskaya, E., Semenova, V. (2011). Sotsial'naya pamyat' kak ob"ekt sotsiologicheskogo izucheniya [Social memory as an object of sociological study]. *INTER*. 6, 32–33.

Teslya, A. A. (2020). Kak menyalas' pamyat' o Vtoroi mirovoi voine [How did the memory of the Second World war change]. *Ekspert*, 18–20, 97–101.

Voronovich, A. A. (2018). Internatsionalistskii separatizm i istoricheskaya politika v nepriznannykh respublikakh Pridnestrov'ya i Donbassa [Internationalist separatism and historical politics in unrecognized republics of Transnistria and Donbass]. *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: "Nestor-Istoriya", 127–143.

Winter, J. (1999). *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge UP. doi: 10.1017/CBO9781107589087

Zherdeva, Yu. A. (2015). Rossiiskie voennye kommemoratsii v pozdnei Osmanskoi imperii (1878–1918): politicheskaya praktika i kul'turnyi mif [Russian war commemorations in the late Osman Empire (1878–1918): political practices and cultural myth]. *Konstruktivnye i destruktivnye formy mifologizatsii sotsial'noi pamyati v proshlom i nastoyashchem*. Sbornik statei i tezisov dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tambov, 92–98.

Сведения об авторе

Батищев Роман Юрьевич, младший научный сотрудник Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Information about the author

Roman Yu. Batishchev, Junior Researcher of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

Статья поступила в редакцию 15.11.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022;
принята к публикации 30.11.2022

The article was submitted 15.11.2022;
approved after reviewing 30.11.2022;
accepted for publication 30.11.2022